

Е. А. Серебрякова

Москва, Россия

ТОЛКОВАНИЕ ТЕРМИНА «DEGRADING TREATMENT» ЕВРОПЕЙСКИМ СУДОМ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СОЦИАЛЬНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ¹

E. A. Serebryakova

Moscow, Russia

INTERPRETATION OF THE TERM "DEGRADING TREATMENT" BY THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS AND THE CONCEPTUAL FRAMEWORK OF SOCIAL SECURITY LAW

Аннотация. Отмечается, что Европейская конвенция прав человека и основных свобод не гарантирует социальные права, но в отдельных случаях применяется к отношениям по социальному обеспечению. Анализируется содержание термина «унижающее человеческое достоинство обращение», предусмотренного ст. 3 указанной конвенции, применительно к уровню социального обеспечения. Также рассматривается соотношение данного термина с понятием «достойное социальное обеспечение».

Ключевые слова: Европейский суд по правам человека, унижающее человеческое достоинство обращение, социальное обеспечение, пенсии, достойное социальное обеспечение.

Abstract. Social security rights are not mentioned in the European Convention on Human Rights, but they fall within its scope. The author analyses the term "degrading treatment" (Article 3 of the Convention). The relationship of this term with the concept "decent social security" is also considered.

Keywords: European Court of Human Rights, degrading treatment, social security, pensions, decent pension.

Права человека и прецедент способствуют глобализации [Neshataeva 2013 : 60]. В Европе выработке единых для многих государств подходов к правам человека способствует Европейская конвенция прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция») и практика ее применения.

Согласно ст. 32 Конвенции, органом, в компетенцию которого входит ее толкование, является Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ). Уже много лет для уяснения смысла норм этого документа мы обращаемся больше к практике ЕСПЧ, чем непосредственно к тексту Конвенции [Tulkens 2007 : 16].

ЕСПЧ разъясняет не только общий смысл конвенционных положений, но и значение терминов, в ней используемых. Многие из них получили «автономное значение», отличное от того, которое вкладывается в их содержание национальным правом [Harris and others 2009 : 16]. К числу таких терминов относится и понятие «degrading treatment», использованное в английской версии Конвенции или «traitments dégradants», упоминаемое во французской версии этого документа. На русский язык термин переведен как «обращение, унижающее человеческое достоинство».

Данный термин содержится в ст. 3 Конвенции, предусматривающей запрет пыток, а также бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания. Такой запрет является абсолютным, не допускающим какие-либо исключения. Абсолютная природа этого запрета объясняет, почему жалобы на его нарушение рассматриваются ЕСПЧ с особой тщательностью [Erdal, Bakirci 2006 : 221]. Только за 2019 год ЕСПЧ констатировал 241 нарушение ст. 3 Конвенции государствами, ее ратифицировавшими. Из указанных 241 в 181 случае были установлены факты бесчеловечного или унижающего человеческого достоинство обращения [Annual report 2020 : 135].

Под унижающим человеческое достоинство в практике ЕСПЧ понимается такое обращение, которое является для человека унижительным или оскорбительным, свидетельствует об умалении его достоинства или вызывает чувства страха, тоски или неполноценности, способные подавить моральное или физическое сопротивление индивида. При этом для квалификации обращения как унижающего человеческого достоинство достаточно того, чтобы сам человек чувствовал себя униженным, независимо от того, воспринимается ли его положение как унижительное третьими лицами [Bouyid v. Belgium : §87].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00252.

Какое именно обращение ЕСПЧ признавал унижительным? Приведем несколько примеров.

Во-первых, к такому обращению могут приравниваться условия, в которых содержатся заключенные, помещенные в переполненные камеры, где не соблюдаются санитарные нормы [Kalashnikov v. Russia : § 97–103].

Во-вторых, унижительными могут быть признаны отдельные техники досмотров заключенных [Iwanczuk v. Poland : § 58–60], а также не оказание этой категории лиц необходимой медицинской помощи [Hummatov v. Azerbaijan : § 108–117, 121–122].

В-третьих, содержание лица в металлической клетке во время судебного процесса также является унижением человеческого достоинства [Korneykova and Korneykov v. Ukraine : § 164–166].

Вместе с тем, практика ЕСПЧ, касающаяся унижительного обращения, не ограничивается делами по жалобам заключенных или находящихся под стражей заявителей. К обращению, унижающему человеческое достоинство могут быть приравнены также, например, непринятие государством своевременных мер по устройству лишенного родительской опеки ребенка-мигранта [Khan v. France : § 94–95], непредоставление никакой помощи беженцу [M.S.S. v. Belgium and Greece : § 249–264] и даже недостаточный размер пенсии или иного вида социального обеспечения.

Именно последний аспект унижающего человеческого достоинство обращения представляет интерес для целей настоящей статьи. Данный аспект не является новым. На протяжении более 20 лет ЕСПЧ подтверждает, что состояние крайней бедности может являться основанием для жалобы на нарушение ст. 3 Конвенции, в том числе в случае, если такое состояние обусловлено недостаточностью социального обеспечения.

Жалоб на нарушение прав, предусмотренных ст. 3 Конвенцией, обусловленное уровнем социального обеспечения рассмотрено палатами ЕСПЧ немного. Ни в одном случае судом не констатировано факта нарушения таких прав. Более того, ни одна из таких жалоб не была признана приемлемой для ее рассмотрения судом по существу.

В решении по делу № 40772/98 ЕСПЧ, признавая жалобу по ст. 3 Конвенции явно необоснованной, ограничился указанием на то, что утверждения заявительницы по делу не дают оснований полагать, что социально-экономические условия ее жизни могут быть приравнены к унижающему человеческое достоинство обращению [Pancenکو v. Latvia]. Похожий вывод сделан ЕСПЧ и при рассмотрении жалобы А. Лариошиной, 1918 г. рождения, которая утверждала, что совокупность всех получаемых ею социальных выплат (включая пенсию по возрасту) составляла на момент подачи жалобы в 2000 г. 653 рубля в месяц [Larioshina v. Russia], то есть их размер был существенно ниже прожиточного минимума, установленного для пенсионеров в первом квартале 2000 г. в размере 851 рубль 32 копейки [Постановление Правительства РФ № 421 от 31.05.2000]. По сути А. Лариошина подтвердила, что находилась за чертой бедности, однако ЕСПЧ не счел данное обстоятельство достаточным доказательством того, что это отразилось на физическом или моральном состоянии заявительницы в той степени, чтобы считать ее положение несовместимым с сохранением человеческого достоинства.

В 2001 г. в ЕСПЧ обратился с жалобой Аникеенко М. И., который в числе прочего указал, что размер его пенсии по старости является недостаточным для обеспечения уровня его жизни. Суд, также как и ранее, указал, что не находит доказательств того, что размер пенсионного обеспечения повлиял на физическое или психическое здоровье заявителя в степени, достаточной для установления факта нарушения прав, предусмотренных ст. 3 Конвенции [Kutepov and Anikeenko v. Russia : § 62].

Более детальному анализу со стороны ЕСПЧ подверглась жалоба Будиной А.Д., указывавшей, что ее пенсия не позволяет выжить. В своем обращении в суд заявительница указала, что являясь инвалидом, до апреля 2003 года получала пенсию по инвалидности. Затем ей была начислена пенсия по возрасту, размер которой оказался меньше ранее получаемого вида социального обеспечения (935 рублей против 1000 рублей), несмотря на достаточно большой стаж работы заявительницы, который составил более 28 лет. Не имея иных источников средств к существованию, Будина А. Д. обратилась с иском к Правительству РФ, требуя увеличить ее пенсию до 5000 рублей в месяц. В обоснование исковых требований заявительница представила суду детальную смету своих расходов, необходимых и достаточных для выживания: 3000 рублей – на питание (100 рублей в день), 500 рублей – для оплаты квартиры, 1000 рублей – медицинские и иные расходы для поддержания здоровья, 500 рублей – на средства личной гигиены. Рассмотрев исковые требования, районный суд г. Москвы отказал в их удовлетворении. Московский городской суд согласился с выводами суда первой инстанции.

Заявительница обратилась в ЕСПЧ с жалобой на нарушение ее прав, предусмотренных статьями 2, 6 и 14 Конвенции. Вопрос о приемлемости жалобы рассматривался ЕСПЧ в два этапа.

В феврале 2008 г. жалоба была признана неприемлемой в части, касающейся требований, основанных на положениях статей 6 и 14 Конвенции. Вопрос, касающийся унижающего человеческого достоинства обращения вследствие недостаточного пенсионного обеспечения, был коммуницирован российским властям как жалоба на нарушение ст. 3 Конвенции [Budina v. Russia 2008].

Правительство России заявило о неприемлемости жалобы Будиной А.Д., сославшись в числе прочего на то, что заявительница, помимо пенсии, получает социальные льготы, и эквивалент общей стоимости всех получаемых ею видов социального обеспечения превышает прожиточный минимум.

В июле 2009 г. ЕСПЧ рассмотрел вопрос о приемлемости жалобы на низкое пенсионное обеспечение. Суд признал, что материальное положение заявительницы было тяжелым особенно в период с 2004 по 2007 г., однако указал, что отсутствуют основания полагать, что получаемое ею социальное обеспечение было недостаточным для того, чтобы заявительница избежала унижительного положения. Жалоба была объявлена явно необоснованной [Budina v. Russia 2009].

После 2009 г. только дважды ЕСПЧ в составе палаты рассматривал жалобы, в которых заявители ссылались на недостаточный уровень социального обеспечения. В первом случае заявительница указывала, что удержания, произведенные из ее пенсии для компенсации морального вреда, причиненного чести и достоинству третьего лица, привели к экстремально тяжелой финансовой ситуации, явившейся причиной серьезных проблем со здоровьем заявительницы [Tešić v. Serbia communicated case]. Данная жалоба была коммуницирована властям Сербии, однако по существу не была рассмотрена ЕСПЧ, который счел привлечение заявительницы к ответственности за диффамацию несовместимым с положениями ст. 10 Конвенции и в связи с этим не нашел необходимым рассмотрение жалобы на нарушение ст. 3 как на предмет ее приемлемости, так и по существу [Tešić v. Serbia : § 69]. Заявительница по второму делу, мать погибшего в результате несчастного случая на производстве рабочего, представила в ЕСПЧ документы, из которых следовало, что в 2008 и 2009 гг. получаемые ею пенсии в совокупности составили 74 % и 51,5 % минимального размера оплаты труда, соответственно. Однако, в своей жалобе она ссылалась на то, что размер получаемых ею социальных выплат слишком мал в сравнении с понесенной ею утратой сына. Более того, она не сообщила, являлись ли пенсии единственным или основным источником ее доходов. При этих обстоятельствах ЕСПЧ констатировал, что пенсия не является возмещением морального ущерба, причиненного трагической гибелью сына заявительницы. Указав, что в деле отсутствуют данные, позволяющие установить причинение заявительнице страданий, сопоставимых по уровню с теми, на защиту от которых направлена ст. 3 Конвенции, ЕСПЧ признал жалобу неприемлемой [Öz v. Turkey : § 35-40].

Как показывает анализ судебной практики ЕСПЧ, каждый раз при рассмотрении вопроса об обоснованности жалобы на уровень социального обеспечения, не совместимый с возможностью удовлетворения основных жизненных потребностей заявителя, суд приходит к выводу об отсутствии доказательств того, что такой уровень обеспечения несовместим с сохранением человеческого достоинства. Вместе с тем, возможность доказать тот факт, что заявитель испытывает достаточно серьезные нравственные и физические страдания осложняется тем, что ни в одном из решений по данному вопросу ЕСПЧ не конкретизировал тот самый «достаточный» уровень, которого эти страдания должны достичь для того чтобы спровоцировавшая их ситуация была квалифицирована как унижающее человеческое достоинство обращение [Schoukens : 45].

Вместе с тем, ЕСПЧ не поясняет также, при каких условиях уровень социального обеспечения отвечает требованию достойного, по сути оставляя этот вопрос на усмотрение государства [Leijten: 270].

Означает ли такой подход ЕСПЧ, что в рассмотренных выше случаях, по мнению этого органа, социальное обеспечение заявителей могло быть охарактеризовано как достойное? Конечно, нет. Ведь Конвенция не устанавливает социальные стандарты. Допуская возможность нарушения запрета унижающего человеческое достоинство обращения экстремально низким уровнем социального обеспечения ЕСПЧ не устанавливает минимальные стандарты такого обеспечения, подчеркивая важность универсального принципа уважения достоинства личности.

Такой подход разделяется российской судебной властью. Так, Конституционный суд РФ, рассматривая дело по жалобе Енборисовой П. Ф., признал, что недостаточный уровень социального обеспечения может являться разновидностью унижающего человеческое достоинство обращения. Заявительница жаловалась, являющаяся инвалидом, ветераном труда и тружеником тыла, оспаривала конституционность пункта 8 статьи 14 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», предусматривавшего ограничение минимального размера суммы базовой и страховой частей пенсии. Она указывала, что оспариваемые положения закона позволили установить ей трудовую пенсию по старости ниже уровня прожиточного минимума в субъекте Российской Федерации, где она проживает, что умаляет достоинство личности.

Конституционный суд РФ пришел к выводу, что оспариваемая норма не противоречит Конституции РФ, поскольку предполагает установление минимального размера трудовой пенсии по старости который в совокупности с иными видами социального обеспечения и с учетом применения механизма своевременной индексации пенсионных выплат должен быть не ниже величины прожиточного минимума пенсионера в субъекте Российской Федерации.

Зачастую национальные суды в определенной степени «предвосхищают развитие практики Страсбурга» [Costa 2008 : 20]. В данном случае Конституционный суд РФ не предвосхитил, но опередил такую практику, указав, что создание условий, гарантирующих достоинство личности, является конституционно-правовым критерием законодательного регулирования пенсионных отношений [Определение Конституционного суда РФ № 17-О от 15.04.2005].

При этом понятия «не унижающее человеческое достоинство пенсионное обеспечение» и «гарантирующее достоинство личности пенсионное обеспечение» не являются синонимичными. Минимальное обеспечение, не достигающее порога унижительного, не всегда является достойным. Вместе с тем, устанавливая пенсионное обеспечение на достойном уровне, государство в любом случае соблюдает запрет, установленный ст. 3 Конвенции. Оба подхода к социальному обеспечению представляют собой его базовые критерии, без существования которых поступательное развитие системы представляется сложным.

Таким образом, как следует из анализа практики ЕСПЧ, установленный Конвенцией запрет на унижающее человеческое достоинство обращение включает в себя запрет на экстремально низкий уровень социального обеспечения. Конкретные критерии такого уровня до настоящего времени не определены, но даже будучи установленными, они не могут быть использованы для оценки его соответствия понятию «достойное социальное обеспечение».

Библиографический список

1. Annual report 2019 of the European Court of Human Rights, Council of Europe. – 2020. – URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Annual_report_2019_ENG.pdf
2. Costa, J-P. L'autorité de la jurisprudence de la Cour européenne des Droits de l'Homme / J-P. Costa // Dans Le Rôle des Cours suprêmes dans la mise en œuvre de la Convention européenne des Droits de l'Homme au niveau interne. Conférence régionale... (Belgrade, 20–21 septembre 2007). – Strasbourg : Conseil de l'Europe, 2008. – P. 16–23.
3. Erdal, U. Bakirci H. Article 3 de la Convention européenne des Droits de l'Homme : guide pratique juridique / U. Erdal. – Genève : OMCT, 2006.
4. Law of the European convention on Human Rights / D. Harris, M. O'Boyle, C. Warbrick et al. – 2nd ed. – New-York : Oxford University Press, 2009.
5. Leijten, I. Core Socio-Economic Rights and the European Court of Human Rights / I. Leijten. – Cambridge University Press, 2018.
6. Neshataeva, T. N. The precedent and human rights. In Russia and the European Court of Human Rights: a decade of change: essays in honour of Anatoly Kovler judge of the European Court of Human Rights in 1999–2012 / T. N. Neshataeva. – Oisterwijk : WLP, 2013. – P. 39–60.
7. Schoukens, P. The right to access health care: health care according to international and European social security law instruments in International health law / P. Schoukens // Solidarity and justice in health care / ed. by A. P. den Exter. – Antwerpen-Apeldoorn : Maklu, 2008. – P. 17–48.
8. Tulkens, F. La Convention européenne des Droits de l'Homme être droit international et droit constitutionnel. Dans Dialogue entre juges / F. Tulkens. – Strasbourg: Court européenne des Droits de l'Homme, 2007.

Нормативные документы

9. European Convention on Human Rights. Electronic source. – URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_ENG.pdf
10. По жалобе гражданки Енборисовой Прасковьи Федоровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 8 статьи 14 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации»: определение Конституционного Суда РФ № 17-О от 15.02.2005 // ЭБ КонсультантПлюс. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=301D29463F39C32474BB6E971B706661&SORTTYPE=0&BASENODE=1&ts=1655189307073758307190229&base=LAW&n=52884&rnd=9EC59D48723F7BD41C9843F7679BC530#1nyrtovtwqf>
11. Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации за I квартал 2000 г.: постановление Правительства РФ № 421 от 31.05.2000 // ЭБ КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27365/#dst100005

Акты Европейского суда по правам человека

12. Bouyid v. Belgium [GC], no. 23380/09, ECHR 2015. Hudoc. – URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22appno%22%3A%2223380%2F09%22%22%2C%22documentcollectionid%22%3A%22GRANDCHAMBER%22%2C%22CHAMBER%22%2C%22itemid%22%3A%22001-157670%22%7D>
13. Budina v. Russia (dec.), no. 45603/05, ECHR 2008. Hudoc. – URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22%3A%22001-85284%22%7D>
14. Budina v. Russia (dec.), no. 45603/05, ECHR 2009. Hudoc. – URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22%3A%22001-93434%22%7D>
15. Hummatov v. Azerbaijan, no. 9852/03, 13413/04, ECHR 2007. Hudoc. – URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22docname%22%3A%22Hummatov%22%2C%22itemid%22%3A%22001-83588%22%7D>
16. Iwanczuk v. Poland, no. 25196/94, ECHR 2001. Hudoc. – URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22%3A%22001-59884%22%7D>
17. Kalashnikov v. Russia, no. 47095/99, ECHR 2002. Hudoc. – URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22docname%22%3A%22Kalashnikov%22%2C%22itemid%22%3A%22001-60606%22%7D>
18. Khan v. France, no. 12267/16, ECHR 2019. Hudoc. – URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22%3A%22001-191587%22%7D>
19. Korneykova and Korneykov v. Ukraine, no. 56660/12, ECHR 2016. Hudoc. – URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22appno%22%3A%2256660%2F12%22%2C%22itemid%22%3A%22001-161543%22%7D>
20. Kutepov and Anikeenko v. Russia (dec.), no. 68029/01, ECHR 2005. Hudoc. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-70761>
21. Larioshina v. Russia (dec.), no. 56869/00, ECHR 2002. Hudoc. – URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22%3A%22001-22359%22%7D>
22. M.S.S. v. Belgium and Greece, no. 30696/09, ECHR 2011. Hudoc. – URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22%3A%22001-103050%22%7D>
23. Öz v. Turkey (dec.), no. 56995/10, ECHR 2017. Hudoc. – URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22tabview%22%3A%22document%22%2C%22itemid%22%3A%22001-170874%22%7D>
24. Pancenko v. Latvia (dec.), no. 40772/98, ECHR 1999. Hudoc. – URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22%3A%22001-4912%22%7D>
25. Tešić v. Serbia (communicated case), no. 4678/07, 50591/12, ECHR 2012. Hudoc. – URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22%3A%22001-115911%22%7D>
26. Tešić v. Serbia, no. 4678/07, 50591/12, ECHR 2014. Hudoc. – URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22%3A%22001-140771%22%7D>